

КАФЕДРА

Чапай, его команда и К 10-летию выхода в свет романа В.Пелевина

Кто эти люди? Да и люди ли они?

А.Бельский. Плакат к фильму «Чапаев» братьев Васильевых. 1934 г.

Виктория Шохина

За 10 лет роман «Чапаев и Пустота» оброс, как днище корабля ракушками, множеством интерпретаций. Но все равно как будто чего-то не хватает. Что и подвигло нас на составление комментария-путеводителя по роману. Строго говоря, наш комментарий почти не имеет смысла (как и любой другой). Потому что: 1) мысль изреченная есть ложь; 2) настоящее не называемо; 3) знающий не говорит, говорящий не знает. Однако смысл имеет сама работа над ним – пристальное чтение, поиск источников, соответствий и т.п.

Автор!

В предисловии появляются персонажи, которые принимали участие в судьбе романа. Прежде всего это его автор – монгольский лама Урган Джамбон Тулку VII, председатель Буддийского Фронта Полного и Окончательного Освобождения (ПОО(6)). В «Generation (П)(1999) этот лама «из секты гелугпа» будет читать лекции о рекламе («С точки зрения буддизма смысл рекламы крайне прост. Она стремится убедить, что потребление рекламируемого продукта ведет к высокому и благоприятному перерождению... сразу же после акта потребления...»).

Есть еще некий загадочный «действительный автор», чье имя («по многим причинам») не может быть названо.

Есть и редактор рукописи, под чьим именем роман публикуется, то есть Виктор Пелевин. Именно редактор прочитал Ургану Джамбону Тулку VII «танка поэта Пушкина» – путистишие, аккуратно вырезанное из «Пира во время чумы». Редактор же предлагал назвать рукопись «Сад расходящихся Петек» (что напоминало бы о «Саде расходящихся тропок» Борхеса и буквально описывало бы состояние героя) или «Черный бублик» (а это из стихотворения Петра Пустоты, которое, в свою очередь, отсылает к стихотворению Николая Олейникова «Бублик»). Заметим по ходу, что в Англии роман носит название «Линияный пулемет» /«The Clay Machine Gun», а в США – «Мизинец Будды» /«Budda's Little Finger». Говорят, где-то в Шотландии название перевели так: «Перебивая Будду».

Предисловие готовит читателя к погружению в текст, объясняя, что перед ним: 1) психологический днев-

ник; 2) фиксация механических циклов сознания с целью окончательного излечения от так называемой внутренней жизни; 3) с точки зрения специалистов по литературе – продукт модного критического солипсизма; 4) первая попытка отразить художественными средствами монгольский миф о Вечном Невозвращении.

Можно еще добавить: роман о том, как пишется роман, – ближе к концу, оказавшись в главе 7, читатель понимает, что читает рукопись Петра. (Кроме того, из слов Пелевина – «Это первый роман в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте», – можно заключить, что все происходит в сознании Петра Пустоты.)

Объявив неаутентичными книгу Дм. Фурманова «Чапаев» (1923) и фильм братьев Васильевых (1934), автор предисловия как бы гарантирует (документальную) подлинность произведения.

Но кто он, действительный автор романа? Игорь Берхин предположил и довольно убедительно обосновал, что это – Котовский, который одновременно Фурманов (см. <http://pelevin.nov.ru/stati/ocotovsky/1.html>). Но Берхин, кажется, шутит, а мы всерьез.

Возможно, автор – тот непонятный четвертый, который предполагается в палате номер семь (отправляя туда Петра, врач Тимур Тимурович говорит: «Там сейчас еще четыре человека, так что с вами будет пять»). Однако в палате троє: Просто Мария, Сердюк и Володин. Тот же четвертый сидит у костра, когда новые русские братки разбираются с метафизикой бытия.

А может, «действительного автора» даже не стоит искать. Ведь «авторство» – вещь сомнительная, и все, что требуется... так это выстроить множество разбросанных по душе замочных скважин в одну линию, так, чтобы сквозь них на бумагу вдруг упал солнечный луч» (Петр Пустота).

Действующие лица и прототипы

Петр Пустота. 26 лет. В 1918 году поэт из Петербурга, декадент, католик и комиссар Чапаева. В 1990-х – пациент Образцовой психиатрической больницы №17, считающий себя «единственным наследником великих философов прошлого». **Прототипы:** 1) Петя, адъютант Василия

Чапаева из книги Фурманова, фильма братьев Васильевых и анекдотов; 2) Петр Демьянович Успенский (1878–1947), ученик Георгия Гурджиева (см.).

Чапаев. Красный командир, похороненный на белом офицера. Мистик, гур, маг, адепт. Член ордена Октябрьской Звезды, как и Черный Барон Юнгтерн (см.). **Прототипы:** 1) Чапаев из книги Фурманова, фильма братьев Васильевых и анекдотов; 2) Георгий Иванович Гурджиев (1877–1949) – эзотерик, гур, торговец коврами. Ю.Стефанов напоминает: на литографии Владимира Ковенацкого, опубликованной в журнале «Огонек» (1989, №47), Гурджиев изображен в кавалерийских галифе и заглазничной майке; 3) дон Хуан из книг Карлоса Кастанеды.

Григорий фон Эрнен, он же товарищ Фанерный – давний друг Петра Пустоты, тоже поэт. В момент их встречи – чекист. Не исключено, впрочем, что просто кошмар героя, один из «темной банды [его] ложных я».

Анна – племянница Чапаева, пулеметчица-любоистка. **Прототипы:** Анка-пулеметчица из фильма и анекдотов.

Котовский – кокаинист, уголовник, творец нашей Вселенной. Также мистик и буддист, но несколько отмороженный. **Прототипы:** Григорий Иванович Котовский (1881–1925) – красный командир времен Гражданской войны. Герой фильма «Котовский» (1943); коронная фраза – «Котовский в городе»; и в романе она звучит не раз и в анекдотах.

Барон Юнгтерн, он же Черный Барон – защитник «Внутренней Монголии»; инкарнация бога Войны; командир Особого Отряда Тибетских Казаков; контролирует (вместо скандинавского бога Одина) Валгаллу – небесный чертог для храбрых воинов, павших в бою. **Прототипы:** 1) Барон Роман Федорович Унгтерн фон Штернберг (р. 1887/8; расстрелян большевиками 15 сентября 1921 года в Новоникольске; у Пелевина – в Иркутске). Соавтор и возглавил Азиатскую кавалерийскую дивизию, в которой были тибетские части. Прогнал из Урги китайцев и вызволил из плена Живого Будду. Монголы чтили барона как бога Войны, нового Чингисхана. И как Махагалу, гневное божество, принявшее обет защищать учение Будды при помощи устрашения, когда сострадание ока-

зывается бессильным; 2) Черный Барон из песни «Белая армия, черный барон...» (См. также: «Балладу о Даурском бароне» А.Несмелова; книгу «И люди, и боги, и звери» Ф.Осендовского; роман-сценарий Ф.Горенштейна «Под знаком тибетской свастики»; повесть «Самодержец пустыни» Л.Юзевовича); 3) дон Хуан из книг Карлоса Кастанеды; 4) Карл Густав Юнг (1875–1961) – основатель «аналитической психологии». Испытывал большой интерес к загробному миру, разъяснял «Тибетскую книгу мертвых» и т.п. Ввел понятия: «Тень» (совокупность вытесняемых качеств, стремлений, желаний) и «Персона» (образ, который мы представляем ми-

рапия по профессору Канашиникову – турбююнтианство, легкая пародия на метод Юнга и на турбореализм (литературное направление начала 1990-х, к которому относили и Пелевина).

Просто Мария, Семен Сердюк, Владимир Володин – обитатели палаты номер семь Третьего отделения Психбольницы №17.

Кроме того: комиссар Бабаясин (см. повесть Пелевина «День бульдозериста»); Валерий Брюсов; Алексей Толстой; другие посетители и обслуга «Музыкальной табакерки»; башкир Батый – адъютант и денщик Чапаева; Семен – денщик Пустоты; ивановские ткачи; медсестра; военный психиатр полковник Смирнов; штабс-капитан Жорж Овечкин и его при-

«Чапаев – один из самых глубоких мистиков...» – говорит Анна. Однако Чапаев не только мистик, но и маг с большими возможностями. Его магический инвентарь: шашка (вместо шпаги), с помощью которой Чапаев показывает Петру живого Ленина (похожая шашка и у Барона Юнгтерна); маленький бинокль; талисман-пентаграмма – Орден Октябрьской звезды (именно в октябре принц Сиддхартха, «который не мог жить так, как другие», увидел яркую звезду, все понял и стал Буддой); керосиновая лампа (вместо свечи); чернильница (чтобы записывать ход эксперимента – это поручают Петру). Роль обязательного для мага возбуждающего напитка играет самогон. Перед тем как совершить главное магическое действие, Чапаев, как и положено, очищается – в бане.

Ближе к концу романа Чапаев сообщает, что он – аватара будды Анагамы. Будду с таким именем мы не нашли, но зато нашли анагамина. Что означает: «тот, кто не придет», «невозвращающийся» (анагамина, достигший определенной ступени на пути к просветлению, уже не будет перерожден в мире страстей).

Свита Чапая, его, так сказать, команда тоже специальная. Племянница Анна – натуральный суккуб. На вопрос Петра о том, известно ли ей, что такое суккуб, Анна с улыбкой отвечает: «...кажется, так называется демон, который принимает женское обличье, чтобы обольстить спящего мужчину». Но Петр и есть «спящий мужчина». Так что любовь между ним и Анной случается именно так, как только и может случиться, – во сне.

Котовский вроде младшего демона/духа. Помощник, ассистент, послушник. На борту пулеметного ландо, в котором они едут с Анной, нарисован символ Инь и Ян. Анна – Инь, Котовский – Ян. А хулиганская надпись рядом – «Сила ночи, сила дня одинакова х...ня» – подтверждает их одинаково духовную сущность.

Башкир по прозвищу Батый оказывается големом.

Роль Петра Пустоты в этой команде – ученик, простодушный и доверчивый.

Имя для героя

Дав герою такую фамилию, Пелевин будто специально кинул рецензентам сладкую косточку: слово «пустота» обыгрывалось ими с особым наслаждением. И чаще всего в привычном для русского языка отрицательном смысле – как ничтожность, ничтожество и т.п. Между тем оче-

Чапай и его команда попали на страницы романа прямо из-за кулис Серебряного века

ру). Тень менее цивилизована, более примитивна, не связана правилами приличия и т.п.; 4) по мнению В.Штепы, еще один возможный прототип барона – философ и писатель эпохи раннего национал-социализма Эрнст Юнгтерн (1885–1998); изображая ужасы войны, он в то же время утверждал войну как возможность «глубочайшего жизненного переживания», как «внутренний опыт».

Жербунов и Барболин – красные матросы-балтийцы; они же санитары в Психиатрической больнице №17. Конвой архангелов, провожающие Петра Пустоты по обоям мирам. **Прототипы:** «Здесь во время октябрьских боев 1917 года при взятии дома градоначальника героически погибли члены Союза рабочей молодежи товарищи Жербунов и Барболин», – сообщает мемориальная доска на доме № 20 по Тверскому бульвару.

Фурманов – комиссар полка ивановских ткачей. **Прототипы:** 1) Дмитрий Фурманов (1891–1926) советский писатель, комиссар 25-й дивизии Восточного фронта (командир – Чапаев); 2) комиссар Федор Клычков из его романа «Чапаев» и из фильма братьев Васильевых.

Тимур Тимурович Канашиников – зав. Третьим отделением Психиатрической больницы №17. Пациенты называют его Хозяином. Групповая те-

атель-офицер. А также Ленин, Шварценеггер, фирма Кавабата, казак Игнат и прочие.

Из-за кулис Серебряного века

Чапай и его команда попали на страницы романа прямо из-за кулис Серебряного века с его оккультными забавами, мистикой, магией и всевозможным махабромом.

Чапаев необычен, не совпадает с окружающей средой. «Человек, шагавший впереди по коридору, пугал меня. Я не мог понять, кто он», – подобные мысли не раз будут тревожить Петра Пустоту. («Знаете, кто я? – спросил меня сегодня Чапаев... и глаза у него заблестели наивно и таинственно. – Я родился от дочери казанского губернатора и артиста цыгана», – записывает в дневник удивленный комиссар в романе Фурманова.)

И в самом деле, кто этот человек (да и человек ли?), который называет себя Василием Ивановичем Чапаевым? Более того, добросовестно исполняет роль красного командира – выступает перед ивановскими ткачами на Ярославском вокзале, отправляется на восточный (у Фурманова – Восточный) фронт, командует кавалерийской дивизией и т.п. Но в то же время, как понимает Петр Пустота, стоит на лестнице бытия неизмеримо выше его.

видно, что писатель имел в виду тот смысл, который слово это имеет в буддизме и даосизме. «Вы можете подумать, что пустота означает «ничто», однако это не так, – предупреждает Далай Лама XIV. – ...умудренное сознание, опирающееся на реальность, понимает, что все существа и явления – умы, тела, дома и тому подобное – не существуют в своей основе. Такова мудрость пустоты».

Достичь пустоты – значит освободить сознание от загрязненностей, от иллюзий, которые принимаешь за истину. И тогда сознание будет готово принять истинную природу вещей и истинную реальность. Петр Пустота: «Поразительно, сколько нового сразу же открывается человеку, стоит только на секунду опустошить заполненное окаменелым хламом сознание!»

Назови Пелевин своего героя, допустим, Шуньятой (санскр. – *пустота*), смысл остался бы тем же, а глупых рецензий было бы меньше. Но он предпочел провокацию. И то сказать: многозначно мерцающая пустота в имени куда эффективнее.

Отвлекаясь от буддизма и даосизма, можно вспомнить и о том, что: о пустоте Шекспира писал Борхес; о пустоте Пушкина – Синявский; о пустоте Бродского – Ю. и М. Лотман. О пустоте Гумилева (с ним поэта Пустоту, кстати, роднит интерес к Китаю) упомянул Н.Богомоллов. Зна-

В неоиндейскую поэзию не вписывается силлабо-тоника, приправленная славянизмами >> СТР. 6

КАФЕДРА

простодушный ученик «Чапаев и Пустота». Заметки для путешественника

чит, пустота имманентна поэту вообще, как свойство.

Время и место

Хотя в данном случае хронология имеет мало смысла – время в романе ходит по спирали и завивается в петли, – все-таки попробуем.

Действие романа начинается в феврале 1918 года (а не 1919-го, как иногда считают). В «Музыкальной табакерке» Брюсов спрашивает у Петра, успел ли тот прочесть «Двенадцать» – так говорит о недавно появившейся вещи. Поэма Блока была опубликована 18 февраля 1918 года (по старому стилю). Кроме того, в главе 9 Петр узнает о смерти Государя («Эту мрачную весть принес Фурманов»); Николай Второй вместе с семьей был расстрелян 17 июля 1918 года. Значит, лозунг на памятнике Пушкина «Да здравствует первая годовщина Революции», который герой видит в начале романа, относится к Февральской революции.

В романе десять глав: нечетные посвящены событиям 1918 года; четные – 1993-го–1994-го. В конце главы 9 два мира начинают совмещаться. В последней главе они совмещаются полностью – и по улицам Москвы 1990-х едет броневик Чапаева.

Возможно, впрочем, что время как бы бжускет на месте: ведь Вечное Возвращение это и есть Вечное Невозвращение.

Вспомним, как начинается роман: «Тверской бульвар был почти таким же, как и два года назад (курсив наш.

же, как следует из рассказа Анны, происходил решающий бой, в котором Петр отличился, причем благодаря законам симпатической магии – в больнице он этот бой нарисовал. Во время боя Петра контузило – в больнице этому соответствует удар бюстом Аристотеля по голове (Петр, правда, помнит только сон: «...где-то в Петербурге. В каком-то мрачном зале меня бьют по голове бюстом Аристотеля, и каждый раз (курсив наш. – В.Ш.) он распыляется на части, но потом все происходит снова...»).

Город Алтай-Видянский – место последней дислокации команды Чапаева с рестораном «Сердце Азии» в центре (ср.: книга Н.Рериха «Сердце Азии»; глава «Глубокое сердце Азии» в книге Осендовского «И люди, и боги, и звери»). Отсюда Котовский отправится в свой Париж. А Чапаев, Анна и Петр – к радужным водам УРАЛа, Условной Реки Абсолютной Любви. («А что такое Радужный поток? – Просто мир вокруг. Видишь цвета – синий, красный, зеленый? Они появляются и исчезают в твоём уме. Каждый из нас – в Радужном потоке... С другой стороны – Радужный поток – просто иллюзия, потому что ты и этот мир – одно и то же». «Священная книга оборотня».)

Есть, кроме того, заброная Валгалла, по которой Петра видит Барон Юнгерн. А также набережная возле Белого дома и Останкинская башня из рассказа Просто Марии. И Пушкинская площадь, и Пятихлебный

есть с Брюсовым. А главное – сочиняет и тут же читает революционные стихи, странным образом под священными гibelи «товарища Фанерного», после чего стреляет (но не попадает) в люстру.

Там же, в «Музыкальной табакерке», Петр видит странного человека в черной гимнастерке, с закрученными вверх усами; волевое спокойное лицо, гипнотический взгляд. В похожей обстановке Петр Успенский увидел в первый раз своего будущего учителя Гурджиева. Впрочем, по части возможностей человек этот Гурджиева явно превосходит.

После всех приключений герой засыпает. И просыпается (в главе 2) уже в психиатрической больнице (если верить Шопенгауэру, законченных солипсистов можно найти только среди обитателей дома умалишенных).

Петр не помнит ничего связанного с психбольницей: он уверен, что его сдали в ЧК. Тем более Жербунов и Барболин тоже здесь, только они теперь не матросы, а санитары. Которые помнят, какие стихи читал Петр, и о том, что он может начать душить. Чуть позже (в главе 4) выяснится, что в тот день Петр вернулся из изолятора. Таким образом, события главы 1 можно воспринять как бред Петра во время обострения.

Вопрос, которым задается читатель на протяжении всего романа: что первично? Психбольница 1990-х или события 1918 года? Что есть сон/кошмар? Иногда путешествие в прошлое почему-то представляется более вероятным, нежели путешествие в будущее. И легче считать, что сон – 1918 год. Кроме того, пребывание Петра в больнице более мотивировано. Кажется, что именно в его (большом) сознании санитары превращаются в матросов, врач Тимур Тимурович – в Чапаева и т.п. Вот (в главе 5) в комнате Петра входит Котовский, из-под его халата с кистями видны полосатые пижамные штаны. Тут же вспоминаем, как в главе 4 больных одежали в пижамы в горизонтальную полоску, «которые сразу придали происходящему какой-то военно-морской привкус».

Но гадать о том, какая реальность первична, не стоит. Границы между тем, что мы решим считать реальностью, и тем, что – сном, взаимопроницаемы. И не зря Барон Юнгерн приводит Петра в место, где оба его «навязчивых сна одинаково иллюзорны». Или одинаково реальны. То же, впрочем, нужно сказать и о самом бароне.

Да и никаких границ, пожалуй что, и нет. Это время/пространство завивается в замысловатую петлю. Так, в главе 2 Володин спрашивает Петра: «У вас случайно нет такого знакомого с красным лицом. Тремя глазами и ожерельем из черепов. Который между костров танцует?.. И кривыми саблями машет?» Добравшись до главы 7, понимаешь, что имел в виду Володин: вот Барон Юнгерн показывает нашему герою Валгаллу – сияющий у костра «бри-

тый наголо толстяк с аккуратной бородкой... вдруг поднял глаза на нас. Мгновенно его лицо исказилось ужасом». В главе 8 «Володин будто что-то увидел. Ноги делаем! Быстро!»

«Отчего все вокруг вас так боятся?» – спрашивает Петр. «Не все видит то же самое, что вы. Своим друзьям я обычно показываюсь в виде петербургского интеллигента, который я действительно когда-то был...» – «А что видит остальные?» – «Скажу только, что во всех шести руках у меня острые сабли».

Достоевщина-trip

Скорее всего Петр Пустота действительно сумасшедший. Задумав приятеля, он сидит на трупе и делает дыхательное упражнение по методу йога Рамачарак. Потом садится за рояль и играет футу фа-минор Моцарта, сожалея, что у него нет «тех четырех рук, которые грезились великому сумасброду». Представляясь товарищем Фанерным (так большевики называют фон Эрнена), не находит ничего лучшего, как читать в «Музыкальной табакерке» стихи: «Товарищи бойцы! Наша скорбь безмерна! Злодейски убит товарищ Фанерный...» Увидев орден Октябрьской звезды на груди у Чапаева, задает идиотский вопрос: «Украшали себя к Новому году?»

Вспоминая в Алтай-Видянске про промозглый Тверской бульвар, думает: «Хорошо еще, что встретил старого друга». Как будто «старый друг» не хотел сдать его в ЧК и как будто он не убивал...

А может, и в самом деле не убивал? И все это – его навязчивый бред? Как говорит Тимур Тимурович, «когда я представляю себе, сколько с вами будет возни, мне становится страшно». Впрочем, и сам Петр хотел бы «расстаться с темной бандой ложных «я», уже столько лет разоряющих [его] душу». Что это за банда?

«...У вас ложная личность развита в таких деталях, что почти полностью вытесняет и перевешивает настоящую. А уж как она раздвоена – просто залюбуешься», – говорит сосед по палате. Другой добавляет: «Он своей фамилии даже не помнит. Называет себя – то каким-то Фанерным, то еще как-то». Кажется, Петр и в самом деле не знает наверняка, кто он («А как моя фамилия?» – с беспечностью спросил я»). При выписке из больницы санитар Жербунов отдает Петру ту же одежду, в которой он шел по Тверскому бульвару в главе 1. На спине пальто обгорелая дырка – когда Петр душил фон Эрнена, накиннув на него свое пальто, тот успел выстрелить. А вот саквояж почему-то нет. Так, может, саквояж лишь пригрезился герою? А с ним – и вся история убийства? И фон Эрнен – просто одна из его ложных личностей? Судя по тому, что ему мерещится «развоплощенное лицо старухи-процентщицы», другая его ложная личность – Раскольников. И он страдает от «метастаз чужого покаяния».

Напоминание о болезни Петр Пустота принимает с удивительной кротостью. «Вы знаете, что вы сумасшедший?» – спрашивает Котовский. «Конечно», – отвечает наш герой спокойно.

Впрочем, сумасшествие здесь понимается романтически, как нечто позитивное – в противовес норме, понимаемой как социальный ком-

бандиты говорят. (Достоевский записал «истерические взвизги херувимов» в «Братьях Карамазовых»: «Это же черт говорит!»)

Да и если бы не бандиты! Вот и Сергей Аверинцев пишет: «...вышедшая из тела душа видит страшные черные демонские обличья...; проходя сквозь них в сопровождении ангелов, она в определенных ме-

Скорее всего Петр Пустота действительно сумасшедший

промисс. «...Если ты отсюда [из психушки] выйти когда-нибудь хочешь, надо газеты читать и эмоции при этом испытывать. А не в реальности мира сомневаться. Это при советской власти мы жили среди иллюзий. А сейчас мир стал реален и познаваем», – говорит Просто Мария.

Палата номер семь

Вся Россия – палата номер семь, скажем мы, чуть перефразируя Ленина. В палате номер семь Третьего отделения Образцовой психиатрической больницы №17 лежат пациенты, чьи проблемы суть поиски идентичности с Россией. Один из вариантов – алхимический брак с Западом. К нему стремится пациент по имени Просто Мария (его ложная личность составила на мексиканской мыльной опере, голливудском блокбастере и неокрепшей русской демократии). Запад приходит к Просто Марии в образе Терминатора-Шварценеггера. Но брак не удается.

Другой вариант – алхимический брак с Востоком. Это история пациента Сердюка, который (будучи пьяным) думает: «Надо за Японией идти – мы же соседи. Бог велел... вместе эту Америку и дождем... И атомную бомбу им вспомним, и Беловежскую Пущу». Он идет за Японией и попадает в фирму «Дом Тайра». Где ему предлагают сначала должность «помощника менеджера по делам северных варваров», а потом – сделать себе хакари.

Третий вариант – бандитский. Навешив грибов, новорусские бандюки ищут истину, милость и вечный кайф. А еще они рассуждают о загробной жизни: «Помереть – это как из тюрьмы на зону. Отправляют душу на такую небесную пересылку, мытарства называются. ...Два конвойных, все дела, снизу карцер, сверлу ништяк. На пересылке тебе дела шьют – и твои, и чужие, а ты отмазываться должен по каждой статье. Главное кодекс знать. Но если кум захочет, он тебя все равно в карцер засадит... Но кум тебе срок скостить может, особенно если последним говном себя назовешь. Он это любит».

Такое изображение потусторонней жизни и небес вызывает сильное недовольство у наших фундаменталистов. Но, во-первых, все-таки это

стах воздушного пространства подвергается задержанию и допросу относительно отдельных грехов» (курсив наш. – В.Ш.).

Букер-96

Наш литературный истеблишмент роман «Чапаев и Пустота» встретил в штыхы. Критики не стоваривались, они просто безошибочно точно определили мишень – самое талантливое произведение. И Букеровское жюри, выбирая лучший роман 1996 года, даже не включило «Чапаева и Пустоту» в шорт-лист. Это было смешно, это было грустно, это было симптоматично.

В Записках «Начальника» премии (Вопросы литературы. 1998, №3) председатель того жюри Игорь Шайтанов писал: «...«Чапаева» назвали десять номинаторов. Это рекорд нынешнего года, не знаю, претендующий ли на абсолютный». Но члены жюри, несмотря на рекорд, «расстались с романом Виктора Пелевина». Жюри, объясняя И.Шайтанов, пошло наперекор постмодернизму и «крепко «сбитой литературной тусовке», которая «верховодит, утверждая своей коллективной волей новую эстетическую категорию – омерзительного»; «В желании пойти дальше действительности наш постмодернизм умеет лишь удвоить и утрировать «свинцовые мерзости». Далее «расстались с романом Виктора Пелевина не писатель, а слагатель текстов, речевых, но лишенных языка». И сравнил его с компьютерным вирусом, пожирающим культурную память.

Невольно думаешь: а читал ли Шайтанов Пелевина? Допустить, что читал и ничего не то что не понял, даже не запомнил, – невозможно. Допустить, что не читал, – тоже трудно. Но какое отношение имеет к роману Пелевина «категория омерзительного»? Где там удвоение и утроевание «свинцовых мерзостей»? А про вирус – хлестко, конечно, но неумно. И.Шайтанов, по-видимому, ощущал некоторую неуверенность. Иначе не стал бы спустя пять лет повторять и подтверждать сказанное (Вопросы литературы. 2003. №4. Проект Pелеvin) и гордиться этим.

Впрочем, это не важно. Зато по страницам романа гуляет солнечный луч. О чем – в следующий раз. ■

Время в романе ходит по спирали и завивается в петли

– В.Ш.), когда я последний раз его видел...» О том, что все уже почти так же было, свидетельствуют и возникающие изредка смутные воспоминания Петра о Петербурге. В предисловии сказано: «воспоминания о жизни в дореволюционном Петербурге» и «описания ряда магических процедур» исключены из рукописи. Эти *пустоты* и дают о себе знать. («Петербургский период. Условное обозначение по самой устойчивой характеристике бреда. Повторная госпитализация», – сообщает история его болезни.)

Основное место действия – Москва, Тверской бульвар и его окрестности: Никитская улица, где в 1918-м была «Музыкальная табакерка», а в 1990-е – ресторан «Иван Бык. Iphon Bull Pubis International» (неподалеку, кстати, находится сортир из «Девятого сна Веры Павловны»). На пятом этаже дома №8 по Тверскому бульвару расположена квартира фон Эрнена – там когда-то жил сам Пелевин.

С Ярославского вокзала Петр с Чапаевым отправляется на восточный фронт.

На станции Лозовая по Ярославской дороге находится Образцовая психиатрическая больница №17. Там

переулок, дом 5 (метро «Нагорная», выход направо) из рассказа Семена Сердюка.

Чужая жизнь

Итак, в феврале 1918 года Петр Пустота бредет по Тверскому бульвару. Он сбегал из Петербурга, где его хотели арестовать чекисты, – об этом он рассказывает случайно встреченному давнему приятелю Григорию фон Эрнену. Также поэту и чекисту. Тот, судя по всему, хочет сдать его в ЧК. Во время завязавшейся борьбы (чем-то напоминающей «бесформенную возню двух литераторов» в «Лолите») Пустота набрасывает на приятеля свое пальто и душит его.

Таким образом Петр оказывается обладателем саквояжа фон Эрнена, а также банки кокаина, кожаной куртки, фуражки и автомобиля. И получает сопровождающих – матросов-балтийцев Жербунова и Барболина. Более того, Петр почти полностью идентифицирует себя с фон Эрненом, которого большевики называют просто Фанерным. В качестве Фанерного наш герой попадает в «Музыкальную табакерку», смотрит там дикувоту на пексу по мотивам «Преступления и наказания», обща-

«Независимая газета» с доставкой

Для организаций в Москве и регионах ООО «Интер-почта-2003» (495) 500-00-60

для организаций в ООО «Агентство «Артос-ГАЛ» (495) 160-58-56

в редакции «НГ» с любого месяца (495) 981-61-44

за рубежом East View Publications, inc. +1 (612) 550-09-61. e-mail: periodicals@eastview.com

на территории Украины в агентстве KSS +380 (044) 464-02-20. e-mail: kss@kss.kiev.ua

в Internet www.pressa.apr.ru

В почтовых отделениях связи

«НГ» для частных лиц
«НГ» для организаций
«НГ-Ex Libris»

Каталоги Роспечать, Пресса России

50089
39564
39535

Каталог Почта России

16736
16738
16739

В почтовых отделениях связи

«НГ-Религии»
«НВО» для частных лиц
«НВО» для организаций
комплект «НГ»+«НВО»

Каталоги Роспечать, Пресса России

39551
39528
39565
39533

Каталог Почта России

16740
16741
16742
16743

подписка возможна с любого месяца